

Из критических замечаний можно, пожалуй, сожалеть, что в сборнике нет тематического рубрикатора писем, как дополнения к справочному аппарату. Это позволило бы свободно ориентироваться в темах переписки и выбирать нужную из огромного массива писем. Не всем знакомы имена корреспондентов и порой трудно предположить, о чем они могли совещаться с адресатом. В таком случае указание обсуждаемых тем и страниц, на которых эти темы затронуты, во многом облегчило бы работу исследователей. Впрочем, это отдельная большая работа. Хочется пожелать составителю будущих творческих успехов и выразить благодарность за проделанный труд.

Шевченко Татьяна Ивановна,
канд. ист. наук, канд. богословия
ст. науч. сотр. Отдела новейшей истории
Русской Православной Церкви ПСТГУ,
127051, Москва, Лихов пер. д. 6/1, комн. 219-б
tatyana_valaam@mail.ru

Shevchenko Tatiana,
PhD in History, PhD in Theology,
Senior Research Officer of the Department
of the Russian Orthodox Church's Modern history
at the St. Tikhon's Orthodox University
127051, Russia, Moscow, Likhov pereulok,
dom 6/1, office 219 b
tatyana_valaam@mail.ru

ПУТИ И СУДЬБЫ «ПРАВОЙ» ЦЕРКОВНОЙ ОППОЗИЦИИ
В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
КОНЦА 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГГ.

Рец. на кн.: *Поляков А. Г. Викторинское течение в Русской православной церкви в контексте церковно-государственных отношений. Киров: ООО «ВЕСИ», 2015. 282 с.*

THE WAYS AND DESTINIES OF THE “RIGHT-WING”
CHURCH OPPOSITION IN THE CONTEXT
OF THE SOVIET MODERNIZATION IN THE END
OF 1920’S — THE BEGINNINGS OF THE 1930’S.

Review: *Polyakov A. G. The Victorian Trend in Russian Orthodox Church in the Context Church-State Relations. Kirov, 2015. 282 p.*

В одном из своих интервью известная исследовательница государственно-церковных отношений в СССР, доктор исторических наук, профессор О. Ю. Васильева, высказала очень важную и своевременную мысль: «Мы сейчас знаем

только маленькую часть того, что было с нашей Церковью в XX веке»¹. Действительно, церковно-историческая наука в современной России в лице как светских, так и церковных исследователей только начинает делать первые серьезные шаги, но от которых зависит очень многое — точное и взвешенное понимание сложной диалектики взаимоотношений Русской Православной Церкви, общества, государства, культуры.

Не последнее место в этом процессе становления, самоопределения и самоактуализации принадлежит исследованиям, посвященным истории русских церковных разделений и расколов в XX в. Церковный раскол — это самый сложный религиозный феномен, посредством которого можно сломать религиозную традицию или способствовать институализации новой религиозной традиции. В социокультурном плане религиозный раскол может быстро ослабить общество, но также и быстро способствовать его интеграции, что переводит проблему церковных разделений уже в плоскость функциональности и дисфункциональности религиозных расколов.

В этом плане монография А. Г. Полякова, посвященная исследованию викторианского течения в Русской Церкви — радикальной внутрицерковной оппозиции политике митрополита Сергия (Страгородского), имеет важное значение, поскольку показывает, как «очередной виток модернизации и сопутствующей секуляризации жизни страны обусловил эволюцию церковно-государственных отношений и возникновение церковных разделений, связанных с ними» (с. 118).

Тему викторианского течения, возглавляемого епископом Виктором (Островидовым), а также других церковных разделений в России в 1920–1930-е гг. автор разрабатывает достаточно давно и является признанным специалистом в этой области². Однако данное исследование выводит проблему на совершенно новый уровень, за рубежи описательного нарратива. Автор (несмотря на акцент «в контексте церковно-государственных отношений») удачно сочетает «институциональный» и «культурный» подходы, последний из которых позволяет ему показать, какие качественные изменения в русском православии и в религиозном сознании верующих во второй половине 1920-х гг. способствовали возникновению и эволюции викторианского течения: «Такой сложный исторический феномен, как Викторианское течение в РПЦ, появление которого напрямую связано с религиозно-политическими убеждениями его лидера, естественно, возник отнюдь не вдруг. Этому предшествовали и предпосылки, сложившиеся в недрах самой Церкви в начале XX в. — летом 1927 г.: формирование у еп.

¹ Васильева О. Ю. «Мы сейчас знаем только маленькую часть того, что было с нашей Церковью в XX веке». URL: http://www.religare.ru/2_66441.html (дата обращения: 12.09.2016).

² Поляков А. Г. Религиозный конфликт в контексте модернизационных процессов 1920–1930-х годов (на примере викторианского течения в Русской Православной Церкви) // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 2. С. 40–44; *Он же*. Викторианское течение в Русской Православной Церкви: «Раскол» или «Оппозиция» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 235–239; *Он же*. Возникновение церковных разделений в конце 1920-х гг. в контексте модернизации государства // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–5. С. 115–119; *Он же*. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009 и др.

Виктора... экклезиологических ценностей, отличных от поддерживающихся митр. Сергием». Среди предпосылок к разделению автор указывает также разногласия по поводу притязаний епископа Виктора на управление Ижевской епархией (с. 189–190).

На рубеже 1920–1930-х гг. эти трансформации (на качественном уровне) имели уже более радикальное выражение. В поведении последователей епископа Виктора появились «претензии на исключительность и “приватизация” права на Истину в вере» (с. 192). Именно этот ценностный сдвиг, по мнению А. Г. Полякова, сыграл решающую роль в эволюции политики советской администрации по отношению к «правой» церковной оппозиции, через легализацию которой (после обновленчества) поначалу предполагалось найти инструменты воздействия уже на «просоветскую управленческую вертикаль» Русской Церкви. Решая свои «прагматические» задачи, коммунистическое государство экспериментировало в области государственно-церковных отношений, и как только викторианское течение утратило свою «функциональность», радикально-религиозные по отношению к Московской Патриархии, но лояльно-нейтральные политические взгляды епископа Виктора стали трактоваться как отказ (или призыв к отказу) от подчинения государству. Как итог, существование викторианского течения в качестве широкомасштабной легальной внутрицерковной оппозиции в СССР в 1932 г. было прервано.

Здесь, на наш взгляд, автор пришел к пониманию и концептуализации одного важного момента — несмотря на то что Русская Церковь в 1930-е гг. как социальный институт была почти уничтожена, «мощь инерционности народного сознания» заставляла государство «реагировать на нее практически», в том числе ликвидируя церковные разделения. Власти нужна была Церковь, которая смогла бы обеспечить легитимность деятельности государства и способствовать «адаптации народа к меняющимся условиям во всех сферах жизни общества» (с. 193–194). То есть А. Г. Поляков приходит к выводу, сделанному и другими исследователями, например М. И. Одинцовым, что организация властями церковных расколов преследовала одновременно две цели — разрушение Православной Церкви как института и формирование «советской» Церкви³.

Эти выводы вполне вписываются в концепцию «зависимости от предшествующего пути развития». Один из ее разработчиков, Д. Норт, указывал на то, что в ряде случаев модернизационные траектории оказывались совместимыми со своим традиционным социокультурным наследием, поскольку обычаи и тра-

³ См.: *Одинцов М. И.* Золото Льва Троцкого // Религия, церковь в России и за рубежом. 1995. № 6. С. 63. Этот тезис во многом созвучен с оценкой американского историка, профессора университета Дьюка Дж. Куртиса, который полагал, что «в 1920-е годы советское правительство экспериментировало с новой политикой ограниченного сотрудничества с либеральным духовенством, которое было готово принять советский режим. В то же время оно использовало свою законодательную и политическую силу для того, чтобы сломать административное устройство старой церкви, при этом придерживаясь умеренного курса в отношении тихоновских приходов» (*Curtiss J. S. The Russian Church and the Soviet State. 1917–1950. Boston, 1953. P. 153*).

диции могут служить эффективным заменителем формальных институтов, обеспечивая тем самым значительную экономию ресурсов⁴.

Таким образом, новая монография А. Г. Полякова имеет важное теоретико-методологическое значение, поскольку на конкретном историческом примере она показывает механизмы выработки государственной политики по отношению к Церкви в условиях необходимости комбинирования «новых» и «старых» ценностей, традиционных и современных общественных институтов.

Головущин Дмитрий Александрович,
канд. ист. наук,
доцент кафедры социологии
и религиоведения РГПУ им. А. И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48,
корп. 20, ком. 214
golovushkinda@mail.ru

Golovushkin Dmitriy,
PhD in History,
Associate professor of the Chair of Sociology
and Religious Studies,
The Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, Saint Petersburg, Moika river embankment, 48,
building 20, room 214
golovushkinda@mail.ru

⁴См.: *Норт Д.* Институты и экономический рост: Историческое введение // THESIS. Т. 1. Вып. 2. М., 1993. С. 69–90; *Он же.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 108–118.